

Дискурс иммиграции и перспективы русскоязычия в Литве

Алла Борисовна Лихачева

Вильнюсский университет (Литва)
E-mail: ala.lichaciova@ff.vu.lt

Аннотация. В отличие от непрекращающейся эмиграции, иммиграцию в Литву нельзя назвать интенсивной, и эта тема в целом остается на периферии общественного и академического внимания. В данной статье предлагается описание ситуации иммиграции с позиций социолингвистики. В частности, анализ дискурса сегодняшней русскоязычной иммиграции в Литву позволяет выявить языковые установки иммигрантов с родным русским языком или владеющих им, их адаптационные стратегии, семейное языковое планирование, а в конечном итоге — сформулировать общие выводы о перспективах сохранения/несохранения русскоязычия в принимающей стране.

В работе обобщаются материалы интервью с иммигрантами из России и некоторых постсоветских стран, выложенных в литовском Интернете, а также материалы интервью, записанных в ходе данного исследования.

Ключевые слова: русскоязычные иммигранты; дискурс иммиграции; языковые установки; интервью; витальность языковой группы

Immigration Discourse and the Prospects of Russian Language in Lithuania

Summary. In contrast to the ongoing emigration, immigration to Lithuania cannot be called intensive, and this topic as a whole remains on the periphery of public and academic attention. This article offers a description of the situation of immigration from the perspective of sociolinguistics. In particular, an analysis of the discourse of today's Russian-speaking immigration to Lithuania reveals the linguistic attitudes of immigrants with a native Russian language or their own, their adaptation strategies, family language planning, and, ultimately, makes it possible to formulate general conclusions about the prospects of preserving / not preserving Russian-speaking community in the host country.

The paper summarizes interview materials with immigrants from Russia and some post-Soviet countries posted on the Lithuanian Internet, as well as recorded during this study.

Key words: Russian-speaking immigrants; immigration discourse; language attitudes; interviews; the language group vitality

Imigracijos diskursas ir rusakalbiškumo perspektyvos Lietuvoje

Santrauka. Kitaip nei neslūgstama emigracija, imigracija į Lietuvą nėra intensyvi, tad ši tema išlieka visuomenės ir akademinės bendruomenės dėmesio periferijoje. Šiame straipsnyje yra siūlomas imigracijos situacijos aprašymas iš sociolingvistikos pozicijų. Konkrečiai – šiuolaikinės rusakalbės imigraci-

Received: 24/11/2019. Accepted: 15/12/2019

Copyright © 2019 Алла Борисовна Лихачева. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution Licence](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

jos diskursas leidžia išsiaiškinti imigrantų su gimtąja ar gerai mokama rusų kalba kalbinės nuostatos, jų adaptacijos strategijas, šeimos kalbinį planavimą, o galiausiai – suformuluoti bendras išvadas apie rusų kalbos gyvybingumo perspektyvas priimančioje šalyje.

Straipsnyje apibendrinama medžiaga iš įdėtų internete, taip pat šiam darbui specialiai užrašytų interviu su imigrantais iš Rusijos ir kai kurių kitų posovietinių šalių.

Reikšminiai žodžiai: rusakalbiai imigrantai; imigracijos diskursas; kalbinės nuostatos; interviu; kalbinės grupės gyvybingumas

Проблемы, обусловленные активными миграционными процессами, все больше привлекают внимание ученых во всем мире. Одна из основных тем, исследуемых представителями социальных и гуманитарных наук, работающими в области критического анализа дискурса, связана с имиджем иммигрантов в принимающих странах. Выявляются типичные приемы описания иммигрантов в политическом, научном, медийном, правоохранительном дискурсах. Как показывают исследования, вне зависимости от страны, о которой идет речь, в разных типах дискурса процессы иммиграции и их участники в основном получают негативные характеристики (см. об этом [Матицына 2018; Бардин 2016; Richardson, Wodak 2013; Tereškinas 2009; Sipavičienė, Gaidys, Jeršovas 2010; Collins 2007; Van der Valk 2000] и др.). Миграционная ситуация “глазами” самих переселенцев, их самоощущение и способы адаптации в новой стране становятся объектом анализа значительно реже; как правило, это работы социологического, правового, экономического характера (напр.: [Зимова 2017; Bartkevičienė 2015; Kuznecovienė 2009; Li Xue 2007]).

В Литве центральной темой медийных и научных публикаций последних лет является интенсивная эмиграция литовцев. В частности, появилась целая серия работ социолингвистической направленности, изучающих языковую жизнь и идентичность представителей эмигрантских сообществ в Великобритании, США, Ирландии, Норвегии и других странах традиционно активного “исхода” литовцев (таковы, например, коллективные монографии о языках и идентичности эмигрантов [Ramonienė 2015; Ramonienė 2019]).

Сегодняшняя иммиграция в Литву освещается в основном средствами массовой информации: на телевидении и в Интернете периодически появляются репортажи и интервью с иностранцами, приезжающими в Литву на учебу, желающими получить временное разрешение на работу, политемигрантами и др. (см. материалы delfi.lt, 15min.lt, Žinių radijas, LRT и др.). Академические исследования, связанные с “новыми” иммигрантами в Литву, немногочисленны, в частности, можно назвать работы социологов [Petrušauskaitė, Batuchina 2015; Žibas 2014, 2012; Beresnevičiūtė, Leončikas, Žibas 2009]. В этих работах затрагивается, но не является цен-

тральной, и основная для настоящей статьи тема языкового существования иммигрантов в принимающем обществе.

Вначале некоторые официальные данные. По определению литовского подразделения Европейской сети миграции (EMN) [Migracija skaičiais], *иммиграцией* называется прибытие в страну с целью проживания в ней дольше одного года; понятие иммиграции применимо не только к иностранцам, планирующим проживание в Литве более года, но и к возвращающимся из эмиграции литовцам. *Иностранцами* считаются лица, не имеющие гражданства Литвы. С 2004 по 2016 г. в среднем 80% потока иммигрантов составляли возвращающиеся литовцы. В 2017 г. эта тенденция изменилась: литовцы и иностранцы составляют по 50% въезжающих в Литву на проживание. В 2017 г. большую часть иностранцев, живущих в Литве, составляли граждане России (26 %), Украины (24 %), Беларуси (19 %). В течение первых месяцев 2018 г. большинство иностранцев, получивших разрешение на временное проживание в Литве, составили украинцы (56,2 %), белорусы (23 %) и россияне (5,4 %) [Migracija skaičiais].

Таким образом, картина иммиграции остается неизменной: по количеству новых иностранцев в Литве лидируют славянские соседи, далее следуют жители некоторых бывших советских республик. В связи с устойчивостью этой тенденции представляется актуальным выявление установок иммигрирующих в Литву граждан относительно использования русского языка как родного или привычного для них как жителей постсоветского пространства *лингва франка*, а также относительно использования в их языковом существовании международного английского и готовности к овладению литовским как государственным языком страны иммиграции.

По мнению ученых, “отбор данных для анализа дискурса может осуществляться несколькими способами в зависимости от функций текстов. В случае если сами тексты являются объектами изучения, исследователь идентифицирует все тексты соответствующего типа и тематики и анализирует всю совокупность или определенную выборку текстов. Однако, если тексты изучаются в качестве более широкой репрезентации социальных явлений или процессов, <...> предлагается начинать с индивидов, с поиска текста или текстов, артикулируемых в социальных группах и возникающих в определенной ситуации. Точно так же, как в первом случае, исследователь может анализировать всю совокупность текстов или конкретную выборку” (S. Titscher (2002) – цит. по: Tereškinas 2009, 303). Для данной статьи применялся второй тип отбора текстов, поскольку всех участвовавших или упоминавшихся в исследовании людей условно можно отнести к социальной группе иммигрантов, к субъектам

ситуации иммиграции, а следовательно — к непосредственным и постоянным участникам дискурса иммиграции (о таких понятиях анализа дискурса как *ситуации* и их *участники* см. [van Dijk 1987, 161–163, 191]). Причем следует отметить, что все они становятся участниками нескольких ситуативных разновидностей, или типов дискурса (о типах дискурса см. [Карасик 2004, 231–240]): институционального — в общении с представителями государственных учреждений, частных фирм; академического — актуального для студентов университетов; медицинского — в поликлиниках и больницах; делового — в рабочих коллективах; бытового — в повседневном общении с соседями, продавцами, прохожими, новыми друзьями и знакомыми, и др.

Общее представление о жизни недавно прибывших в Литву иммигрантов дают материалы социальной группы “Жизнь в Литве” [facebook.com/groups/porusski.lt/]. Как пишут ее администраторы, все желающие приглашаются обмениваться информацией о событиях, происходящих в Литве, описывать свой опыт проживания в Литве, задавать вопросы и отвечать на них, а также просто общаться на разные темы по-русски, т.к. группа объединяет людей, для которых русский является родным или хорошо усвоенным языком. Там же приводятся ссылки на короткие видеосюжеты, снятые самими иммигрантами, об их условиях жизни и работы, экскурсиях по Вильнюсу и Литве, их рассказы о временных коммуникативных трудностях и дальнейших жизненных планах.

Два из таких видеосюжетов, снятых в 2017 [youtube...Vu1dQ] и 2018 г. [youtube...TKkU] в виде интервью с иммигрантами из России, анализируются в настоящей работе. Также используется видеозапись обсуждения пребывания в Литве и дальнейших планов с иммигрантами из постсоветских стран, состоявшегося в мае 2019 г. в студии русской редакции DELFI [delfi.lt/video]. Анализируются и материалы пяти интервью с иммигрантами из Азербайджана, записанных и проанализированных в дипломной работе, защищенной в Вильнюсском университете в 2016 г.¹ Для информации о сегодняшней языковой жизни бывших иммигрантов мы обратились также к сделанным автором дипломной работы записям двух интервью с азербайджанцами позднесоветской волны иммиграции, получившими литовское гражданство. Кроме того, анализируются 4 интервью, записанные в 2019 г. специально для данного исследования: одно из них — с сотрудницей миграционной службы, занимающейся приемом и адаптацией иммигрантов, и по одному — с иммигрантами из Беларуси,

¹ Дипломная работа студентки магистерской программы “Русистика” Гульнар Агаевой “Культурно-языковая адаптация иммигрантов, проживающих в Литве (случай иммигрантов из Азербайджана)” была написана под моим руководством и защищена в Вильнюсском университете в 2016 г.

Украины и России, которые в настоящее время живут в Вильнюсе. Общая продолжительность звучащего текста проанализированных интервью — около 5 часов. Для всех респондентов русский язык является родным или хорошо усвоенным языком.

Следует отметить, что за каждым рассказом можно увидеть не только обстоятельства переезда конкретных людей или конкретной семьи, но и их опыт вербализации возникающих проблем и принимаемых решений в общении и дискуссиях с другими представителями местного иммигрантского сообщества. Поэтому собранный материал фактически можно рассматривать как отражение общей ситуации с постсоветскими иммигрантами в Литве. С респондентами обсуждались причины выезда из страны проживания, соответствия/несоответствия ожиданий иммигрантов и реальной жизни в Литве, опыта общения с государственными и другими официальными институциями, языковой специфики их сегодняшней жизни, ощущения Литвы как толерантной/интолерантной страны и под. Вопросы, касающиеся языкового существования иммигрантов, в ходе интервью не выделялись как основные для данной работы.

В формулировке социологов, “социальные процессы, происходящие в этнических группах, являются не только частью личного опыта отдельных индивидов, но и результатом развития общества” [Kasatkina, Leončikas 2003, 9]. Это утверждение актуально как при анализе причин эмиграции жителей конкретной страны (в частности, литовцев), так и при изучении стремлений и адаптационных интенций приезжающих в страну на проживание, в нашем случае — “новых” иммигрантов в Литву.

Обобщить результаты анализа текстов интервью можно следующим образом:

1. В первую очередь очевидно, что тема языка актуальна не только для филолога-социолингвиста, изучающего дискурс иммиграции как “совокупность тематически соотнесенных текстов” [Чернявская 2001, 16] и анализирующего языковые аспекты данного социального процесса. Это центральная тема в судьбах самих иммигрантов, в рассказах об обстоятельствах их переезда и адаптации в новой стране. В рассуждениях о поиске работы, о дальнейших планах для себя и своих детей, информанты постоянно возвращались к роли языка/языков на новом жизненном этапе.

В беседе с работницей миграционной службы обсуждался вопрос об иммигрантах из постсоветских стран. По ее наблюдениям, среди них есть русские, но есть и представители других национальностей: белорусы, украинцы, чеченцы, таджики, азербайджанцы, армяне, грузины, евреи. Их всех можно назвать русскоязычной или относительно русскоязычной иммиграцией, и для них существование русского языка в бывшей советской республике чрезвычайно важно — они оценивают

русский язык как значительную помощь и опору на начальном этапе адаптации в чужой стране.

Вот иллюстрации этого мнения из интервью.

Женщина-программист, в 2016 г. переехавшая из Москвы вместе с 10-летней тогда дочерью, рассказывает:

До решения перебраться в Литву я бывала здесь у знакомой, тоже бывшей москвички, и поняла, что здесь (в Вильнюсе) достаточно много русских и потому ассимиляция будет достаточно легкой, для ребенка в первую очередь (РЖ44, 2019)².

Из рассказа женщины из Азербайджана, в 2010 г. вышедшей замуж за гражданина Литвы:

Я приехала в страну, которую вообще не знала. Пугало сначала то, что не знаю языка, но здесь многие говорят на русском, поэтому мне очень повезло (АЖ29, 2016).

2. Многие иммигранты владеют русским и английским языками, причем первый язык они воспринимают как традиционный язык межнационального общения, все еще используемый на бывшем советском пространстве, а второй — как актуальный, но пока не всеми освоенный глобальный язык-посредник.

Показателен фрагмент из интервью с 48-летним иммигрантом из Минска, в детстве не раз бывавшим в Вильнюсе вместе с родителями, а 4 года назад открывшим здесь собственный автосервис:

Здесь, как было в советское время, так и осталось: все говорят по-литовски и по-русски. Поэтому Вильнюс для меня — типичный постсоветский город в языковом отношении. Фактически мне литовский здесь не очень-то и нужен, можно без него обойтись. Если уж кто-то не ответит по-русски, могу обратиться по-английски (БМ48, 2019).

Своим опытом адаптации делятся студентки из Азербайджана, живущие в Каунасе:

Не было очень сложно установить связь с литовцами, они доброжелательны, во многом мне помогают и отлично знают английский язык. С другими иностранцами на самом деле и не общаюсь, только с литовцами и с людьми своей национальности. С близкими и родными общаюсь на своем родном языке, а также и на русском (АЖ20, 2016);

Чаще всего пользуюсь английским и русским. На английском языке ведётся обучение, русский же язык помогает мне “выжить” (АЖ27, 2016).

² В скобках после фрагментов интервью заглавные буквы указывают на страну эмиграции и пол информанта, сообщается его возраст, если он известен, и год записи интервью.

Из интервью с бывшей москвичкой, хорошо владеющей английским и изучавшей литовский язык на начальных курсах для иммигрантов:

Все (в государственных учреждениях, банках, поликлиниках) сразу предлагают говорить по-русски, всюду без проблем, как только слышат мой литовский. Но я, правда, начинаю с того, что прошу прощения за свой плохой литовский. Говорю им по-литовски: “Gal jūs suprantat rusiškai arba angliškai?” (‘Может, вы понимаете по-русски или по-английски?’), и они сразу предлагают общаться по-русски (РЖ44, 2019).

3. О намерении учить литовский язык говорят все русскоязычные иммигранты, отмечая не столько насущную необходимость этого в сегодняшнем Вильнюсе и даже в традиционно литовскоязычном Каунасе (особенно при владении английским), сколько свое желание проявить уважение и симпатию к принявшей их стране.

Из интервью со студентом из Азербайджана, живущим в Каунасе около пяти лет к моменту записи интервью и владеющим, кроме азербайджанского, турецким, английским и русским языками:

Как только приехал в Литву, сначала думал, что литовским языком не буду интересоваться. Со временем узнал, что в университете есть курсы литовского языка, поэтому решил познакомиться с Литвой поближе, узнав её язык. Я считаю, что я неплохо владею литовским. Изучать начал его три года назад, так что разговариваю и понимаю (АМ23, 2016).

Еще одно мнение — украинца, в 2015 г. приехавшего учиться в магистратуре по приглашению Вильнюсского университета и оставшегося в Вильнюсе работать экспертом по вопросам дискриминации:

Когда я ехал в Литву, совершенно не собирался учить литовский язык. Тем более что мне вообще трудно даются языки. В университете можно было обойтись английским и даже русским, потому что программа была для иностранцев. Но параллельно предлагался двухнедельный вводный курс литовского языка. Ну и, если уж начал здесь жить, подумал, что нужно хоть как-то знать язык. В первую очередь — это уважение к стране, ведь язык — это культурный код, а во вторых — элементарное бытовое удобство, если идешь по улице и понимаешь по витринам, что здесь чинят компьютеры, а здесь продается мед... Я и сейчас хотел бы учить литовский, если бы это было бесплатно. Конечно, по характеру работы, я мог бы здесь жить и общаться только по-украински и по-русски. Но ведь язык дает тебе больше возможностей (УМ30, 2019).

4. Согласно данным интервью, нередко толчком к изучению государственного языка для иммигрантов становится ощущение родственности литовской культуры их национальной культуре. Сотрудница службы миграции также обращает внимание на то, что многие иммигранты, особен-

но граждане России, Беларуси, Украины отмечают, что приезжают жить в Литву, поскольку литовцы им эмоционально, ментально близки.

Например, в одном из включенных в наш анализ видеосюжетов молодая пара из Екатеринбурга, вместе с маленьким ребенком приехавшая в Литву по рабочей визе и живущая здесь полтора года, рассказывает, что изучает литовский язык не только на курсах и с помощью аудиосамоучителей, но и постоянно слушая песни в исполнении популярных литовских исполнителей:

Литовский очень классный язык... Для нас звучание литовского языка — оно очень крутое... Мы песни слушаем на литовском, мы вообще балдеем от разных песен... Песни на литовском — это прямо отдельная наша любовь... Нам нравится, что у этой страны (Литвы) своя богатая история и очень интересная культура, нравится то, что эта культура переплетается с традиционной русской культурой и историей. У нас действительно очень много общего (РМЖ, 2018).

Аналогичное мнение высказывают и иммигранты более старшего возраста:

Я приехал по делам бизнеса. У меня работа всегда была связана с заграницей. До этого 17 лет работал в Голландии, пробовал начать работу в Польше — там не понравилось. Три с половиной года жил в Москве. Но здесь, в Вильнюсе, мне удобнее, спокойнее. Для белорусов литовский менталитет гораздо ближе, чем русский... Я еще до переезда сюда начал самостоятельно изучать литовский язык по аудиосамоучителю. Теперь уже по работе все понимаю по-литовски. Сказать не все могу. Но в магазинах говорю по-литовски, я не комплекую по поводу своего уровня (БМ48, 2019).

Сотрудница службы миграции также рассказала о политэмигрантах из Таджикистана, утверждающих, что, выбирая между Литвой и Германией, останавливаются на Литве из-за более традиционного и близкого им отношения литовцев к воспитанию детей.

5. Можно заметить, что литовский язык изучается иммигрантами не столько из-за его потенциальной полезности в жизни вообще, сколько из благодарности за проявления толерантности и усилия государства и его жителей облегчить адаптацию иммигрантов.

Из интервью с бывшей москвичкой:

Знание языка — это знак уважения к стране, которая нас приняла... Мне не хотелось бы, чтобы сюда приезжали люди (из России), которые не хотят учить язык. Мне важно, чтобы к нам, иммигрантам, не возникало отрицательного отношения местных жителей. Это то, чего я не встречала за три года ни разу со стороны литовцев (РЖ44, 2019).

На доброжелательность жителей Литвы к русскоязычным иммигрантам обращают внимание и две молодые пары, выложившие свои видеointервью в Интернете. Супруги из Екатеринбурга отмечают:

За полтора года ни разу не было какого-то там презрительного отношения или агрессии из-за того, что мы русские или мы не понимаем по-литовски, не говорим по-литовски или плохо говорим. Никогда такого нет, и все литовцы, наоборот, с очень большим интересом... когда узнают, что мы не русские Литвы, а приехавшие. Их наоборот это сильно интересует, и они задают много вопросов. Но их уровень вопросов реально адекватный, в отличие от того, что спрашивают у нас в России про каких-то там литовских фашистов... Никакой русофобии, даже уже немного скучно развенчивать этот миф... (РМЖ, 2018).

Схожее мнение высказывают иммигранты, три месяца прожившие в Литве, а до этого молодой человек успел пожить в Украине, Израиле, Канаде и России, а девушка — в Украине и России:

Вид на жительство мы получили и пойдем обязательно изучать литовский язык. Мы считаем, что, если находишься в какой-то стране, у тебя есть какие-то обязанности перед ней, ты не можешь как-то халатно относиться... Если они (иммигранты) приезжают из России, нужно просто забыть, что им там говорили в телевизоре (про русофобию). Просто всё классно, люди открытые, очень спокойно, безопасно... А то такие истории, что вас там выгонят, не дадут вам ничего, нахамят... Они (литовцы) очень классные! У них все предусмотрено, они тебе звонят на дом, если чего-то не хватает из документов: приходи, пожалуйста, в какое время удобно... В кабинетах (о службе миграции) мы видели игрушки... ну нормальный такой подход... (РМЖ, 2017).

6. Как сообщает сотрудница миграционной службы, несмотря на имеющийся у иммигрантов начальный энтузиазм в овладении государственным языком, приоритетом для них неизбежно становится работа, и люди, имеющие высшее образование и не планирующие получить его в Литве, устраиваются на работу туда, где хорошее знание государственного языка не требуется, например, если документация ведется на английском, а в общении преобладает русский язык.

Кроме того, по словам сотрудницы службы миграции, большинство иммигрантов с родным или хорошо усвоенным русским языком выбирают для детей детские сады и школы с русским языком обучения.

Из рассказа старшеклассницы-азербайджанки, пять лет назад приехавшей с родителями в Шяуляй и заканчивающей русскую школу:

Чаще всего я пользуюсь азербайджанским и русским. Изучать (литовский язык) я начала, как только приехала в Литву, потому что знала, что надо будет сдавать экзамен, чтобы получить аттестат. В школе брала дополнительные уроки литовского языка (АЖ18, 2016).

Школы с государственным языком обучения, по данным службы миграции, чаще выбирают переселившиеся в Литву украинцы литовского происхождения, некоторые иммигранты из России, называющие в качестве причины переезда политическую ситуацию в их стране, политэмигранты из Таджикистана.

Например, участник видеобеседы в студии DELFI из Таджикистана, с 2015 г. живущий в Вильнюсе, рассказывает:

Мы не говорим, что навсегда останемся тут. Если у нас всё наладится, мы вернемся на родину. Но, может быть, ребята наши (о детях и внуках) тут останутся. Моя внучка уже ходит в первый класс, и она уже пошла в литовскую школу. Мы хотим научить ее культуре литовского государства, литовских людей (ТМ, 2019).

Еще одно характерное замечание относительно школы для дочери прозвучало в интервью с российской иммигранткой, покинувшей страну, когда, по ее словам, однозначно стало ясно, что из России надо уезжать:

Я выбрала для дочери русскую школу, потому что хотела, чтобы она не потеряла язык. Но я жалею об этом решении. О том, что именно русская школа, я жалею. Я думаю, что в литовской она сразу приобрела бы язык. Да, русский она бы потеряла, и это была бы большая проблема (РЖ44, 2019).

7. В социолингвистическом плане иммигрантский дискурс предоставляет возможность увидеть перспективы сохранения русскоязычия в Литве.

С одной стороны, иммигранты воспринимают как норму использование государственного языка в официальных сферах общения, и стараются следовать этой норме даже при наличии собственной минимальной языковой компетенции. Распространение русского языка в столице и крупных городах они считают уходящим явлением:

— Как вы думаете, долго ли еще хотя бы в Вильнюсе можно будет жить, не зная литовского языка? — Ну, поменяются поколения, молодежь уже не понимает по-русски. Вторым языком станет английский, а русский язык постепенно уйдет. — А приезжие? Или их тут капля в море? — Я думаю, не то чтобы капля в море, а что не они заказывают музыку (РЖ44, 2019).

С другой стороны, даже те иммигранты, которые приехали в Литву относительно давно — в позднее советское время, и для которых русский язык не является родным, продолжают активно его использовать:

Как только приехал сюда, не так тяжело все было, как казалось, проблема была в том, что не знаю литовский язык. Со временем понял, что для начала хватит и русского языка, до сих пор чаще всего пользуюсь русским языком. <...> В семье общаемся только на азербайджанском языке, а в общественных местах, с друзьями и соседями — на русском (АМ51, 2016).

Для позднесоветской волны иммигрантов русский язык был и остается существенным компонентом их языковой жизни и жизни их семей:

Когда приехала в Литву, говорить начала на русском, поэтому детей отправила в русский садик. Это было удобно для меня, потому что на тот момент я не знала литовского языка. Затем дети пошли в русскую школу. Между собой дети общались в детстве на русском и азербайджанском языке, когда выросли, они выучили литовский язык. Сейчас дети уже большие, с нами, родителями, говорят на азербайджанском, между собой — чаще всего на русском (АЖ50, 2016);

Дети у нас пока маленькие. Дочь учится во втором классе в русской школе, сын ходит в русский садик. Выбрали именно русскую школу и садик, потому что нам самим легче общаться на русском, чем на литовском языке. У детей много друзей во дворе, и они общаются на русском (АМ51, 2016).

Согласно критериям [Bourhis, Landry 2008], витальность языковой группы (*the language group vitality*) напрямую зависит от языкового поведения ее членов, частоты использования ими этнического или хорошо усвоенного, общего для членов группы языка, поддержания этого языка, в частности, в семейном и близком общении. “Использование языка меньшинства не прекратится до тех пор, пока не изменятся групповые нормы использования языка” [Fase, Jaspaert & Kroon 1992, 7]. С учетом этих факторов можно утверждать, что русскоязычие на определенных территориях Литвы в ближайшие годы сохранится и может даже несколько усилить свои позиции за счет новой волны иммигрантов разных национальностей (о тесной зависимости количественных показателей языковой группы и шансов сохранения ее общего языка см. [Clupe 1992]), для которых русский язык является основным языком общения во многих жизненных ситуациях, в том числе, как показывают материалы интервью, в институциональном и других видах внесемейного дискурса.

Важным показателем устойчивого положения языковой группы является также положительное восприятие и оценка языка его носителями, живущими в иноязычных условиях [Allard, Landry 1992]. В дискурсе постсоветской русскоязычной иммиграции переезд в Литву, с одной стороны, рисуется как переселение в Европу, а с другой — как переезд в более близкое и понятное, чем западноевропейское, культурное, символическое (в том числе и за счет присутствия здесь русского языка) пространство. При всем уважении к принимающей стране и ее языку иммигранты не предполагают выбора между литовским и русским, но планируют обязательное дополнительное овладение литовским языком при условии дальнейшей жизни в Литве.

Продолжающаяся эмиграция и относительно небольшое количество возвращающихся литовцев имплицитно ожидает иммигрантов быть

принятыми как выход для Литвы — такой же, как и для многих других стран. Иммигранты, говорящие по-русски, ощущают, что их присутствие в Литве не воспринимается как угроза в политическом или в языковом отношении. Они видят себя субъектами, чей вклад в литовскую экономику, демографию и даже в количественные показатели носителей литовского языка должен быть поддержан литовским обществом.

Источники

В студии DELFI: станут ли иммигранты из Украины, Беларуси, России и других стран национальными меньшинствами Литвы? URL: <https://www.delfi.lt/video/laidos/zinios-rusu-kalba/v-studii-delfi-ctanut-li-immigranty-iz-ukrainy-belarusi-rossii-i-drugih-stran-nacionalnymi-menshinstvami-litvy.d?id=81255171> (21 11 2019).

Форум *Жизнь в Литве*. URL: <https://www.facebook.com/groups/poruski.lt/> (21 10 2019).

Личный опыт: Иммиграция в Литву из России по Blue Card. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OSaw44qTKkU> (10 11 2019).

О Литве, переезде, националистах и еде. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zOwJx0Vu1dQ> (10 11 2019).

Migracija skaičiai – European Migration Network. URL: <http://123.emn.lt/> (10 10 2019).

Литература

БАРДИН, А., 2016. Миграционная проблема в германском научном дискурсе. *Политические исследования*, № 6, 183–188.

ЗИМОВА, Н., 2017. Социальная адаптация трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России. *Миграция и социально-экономическое развитие*. Т. 2, № 1, 19–28.

КАРАСИК, В., 2004. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Москва: Гнозис.

МАТИЦЫНА, М., 2018. Деконструирование дискурса иммиграции. Иммигранты: жертвы, герои или угроза? *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, № 3 (20), 84–88.

ЧЕРНЯВСКАЯ, В., 2001. Дискурс как объект лингвистических исследований. In: *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 11–22.

ALLARD, R., LANDRY, R., 1992. Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss. In: W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 171–196.

BARTKEVIČIENĖ, A., 2015. *Imigrantų integracijos problemos ir jų sprendimo būdai: trumpalaikės ir ilgalaikės integracijos priemonės*. URL: http://sei.lt/wp-content/uploads/2017/10/IMIGRANTU_INTEGRACIJOS_PRIEMONES.pdf. (20 11 2019).

BERESNEVIČIŪTĖ, V., LEONČIKAS, T., ŽIBAS, K., 2009. Migrantų gyvenimas Lietuvoje: visuomenės nuostatos ir migrantų patirtys. *Etniškumo studijos*, 2, 77–102.

BOURHIS, R. Y., LANDRY, R., 2008. Group Vitality, Cultural Autonomy and the Well-being of Language Minorities. In: R. Y. Bourhis (Ed.). *The Vitality of the English-Speaking Communities of Quebec: From Community Decline to Revival*. Montreal: Quebec, 185–212.

CLYNE, M., 1992. Linguistic and Sociolinguistic Aspects of Language Contact, Maintenance and Loss. In: W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (Eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 17–36.

COLLINS, J., 2007. Immigrants as Victims of Crime and Criminal Justice Discourse in Australia. *International Review of Victimology*, Vol. 14, 1, 51–79.

FASE, W., JASPAER, K. & KROON, S. 1992. Maintenance and Loss of Minority Languages: Introductory Remarks. In: W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (Eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 3–13.

KASATKINA, N., LEONČIKAS, T., 2003. *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga*. Vilnius: Socialinių tyrimų centras.

KUZNECOVIENĖ, J., 2009. Lietuvių imigrantų Norvegijoje, Anglijoje ir Ispanijoje įsitraukimo strategijos: nuo konformizmo iki navigacijos. *Filosofija. Sociologija*, t. 20, nr. 2, 96–103. URL: <http://mokslozurnalai.lmaleidykla.lt/publ/0235-7186/2009/2/96-103.pdf> (03 11 2019).

LANDRY, R., ALLARD, R., 1994. Diglossia, ethnolinguistic vitality, and language behaviour. *International Journal of the Sociology of Language*, 108, 15–42.

LI XUE, 2007. *Portrait of an Integration Process. Difficulties encountered and resources relied on for newcomers in their first 4 years in Canada. Evidence from three waves of the Longitudinal Survey of Immigrants to Canada (LSIC)*. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/pdf/research-stats/portrait-integr-process-e.pdf> (03.11. 2019).

PETRUŠAUSKAITĖ, V., BATUCHINA, A., 2015. Migrant workers from non-EU states in Lithuania: the structure of migration and challenges in survey research. *Etniškumo studijos*, 1, 28–47.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2015. *Emigrantai: kalba ir tapatybė*. Vilnius: VU leidykla.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2019. *Emigrantai: kalba ir tapatybė II*. Vilnius: VU leidykla.

RICHARDSON, J. E., WODAK, R., 2013. The Impact of Visual Racism: Visual Arguments in Political Leaflets of Austrian and British Far-Right Parties. In: R. Wodak (Ed.). *Critical Discourse Analysis. Vol. IV. Applications, Interdisciplinary Perspectives and New Trends*. Los Angeles – London – New Delhi – Singapore – Washington DC, 245–274.

SIPAVIČIENĖ, A., GAIDYS, V., JERŠOVAS, M., 2010. *Lietuvos gyventojų požiūris į imigraciją ir darbo imigrantus: tyrimo ataskaita*. Vilnius. URL: http://www.iom.lt/images/publikacijos/failai/1427788343_8TMOLietuvos%20gyventoju%20poziuris%20i%20imigracija%20ir%20darbo%20imigrantus.pdf (03 11 2019).

TEREŠKINAS, A., 2009. Imigracijos diskursai JAV ir Airijos spaudoje. *Filosofija. Sociologija*, t. 20, nr. 4, 302–309.

VAN DER VALK, I., 2000. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France. In: R. Wodak & T.A. van Dijk (Eds.). *Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states*. Klagenfurt: Drava Verlag, 221–260.

VAN DIJK, TEUN A., 1987. Episodic Models in Discourse Processing. In: R. Horowitz & S.J. Samuels, (Eds.) *Comprehending Oral and Written Language*. New York: Academic Press, 161–196.

ŽIBAS, K., 2012. Baltarusiai, rusai ir ukrainiečiai Lietuvoje: nuo imigrantų iki ateities piliečių. *Etniškumo studijos*, nr. 1/2, 145–177.

ŽIBAS, K., 2014. *Turkų ir kinų imigrantai Lietuvoje*. Vilnius: Lietuvos socialinių tyrimų centras.

Bibliography (Transliteration)

ALLARD, R., LANDRY, R., 1992. Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss. In: W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 171–196.

BARDIN, A., 2016. Migracionnaja problema v germanskom nauchnom diskurse. In: *Polis. Politicheskie issledovanija*, № 6, 183–188.

BARTKEVIČIENĖ, A., 2015. *Imigrantų integracijos problemos ir jų sprendimo būdai: trumpalaikės ir ilgalaikės integracijos priemonės*. URL: http://sei.lt/wp-content/uploads/2017/10/IMIGRANTU_INTEGRACIJOS_PRIEMONES.pdf. (20 11 2019).

BERESNEVIČIŪTĖ, V., LEONČIKAS, T., ŽIBAS, K., 2009. Migrantų gyvenimas Lietuvoje: visuomenės nuostatos ir migrantų patirtys. *Etniškumo studijos*, Nr. 2, 77–102.

BOURHIS, R. Y., LANDRY, R., 2008. Group Vitality, Cultural Autonomy and the Well-being of Language Minorities. In: R. Y. Bourhis (Ed.). *The Vitality of the English-Speaking Communities of Quebec: From Community Decline to Revival*. Montreal: Quebec, 185–212.

CHERNJAVSKAJA, V., 2001. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovanij. In: *Tekst i diskurs. Problemy jekonomicheskogo diskursa*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SpbGUJeF, 11–22.

CLYNE, M., 1992. Linguistic and Sociolinguistic Aspects of Language Contact, Maintenance and Loss. In: W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (Eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 17–36.

COLLINS, J., 2007. Immigrants as Victims of Crime and Criminal Justice Discourse in Australia. *International Review of Victimology*, Vol. 14, 1, 51–79.

FASE, W., JASPAER, K. & KROON, S. 1992. Maintenance and Loss of Minority Languages: Introductory Remarks. In: W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (Eds.). *Maintenance and Loss of Minority Languages*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 3–13.

KARASIK, V., 2004. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs*. Moskva: Gnozis.

KASATKINA, N., LEONČIKAS, T., 2003. *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga*. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas.

KUZNECOVIENĖ, J., 2009. Lietuvių imigrantų Norvegijoje, Anglijoje ir Ispanijoje įsitraukimo strategijos: nuo konformizmo iki navigacijos, *Filosofija. Sociologija*, t. 20, nr. 2, 96–103. URL: <http://mokslozurnalai.lmaleidykla.lt/publ/0235-7186/2009/2/96-103.pdf> (03 11 2019).

LANDRY, R., ALLARD, R., 1994. Diglossia, ethnolinguistic vitality, and language behaviour. *International Journal of the Sociology of Language*, 108, 15–42.

LI XUE, 2007. *Portrait of an Integration Process. Difficulties encountered and resources relied on for newcomers in their first 4 years in Canada. Evidence from three waves of the Longitudinal Survey of Immigrants to Canada (LSIC)*. URL: <http://www.cic.gc.ca/english/pdf/research-stats/portrait-integr-process-e.pdf> (03.11. 2019).

MATICYNA, M., 2018. Dekonstruowanie dyskursu migracji. Immigranci: zherity, geroi ili ugroza? *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, № 3 (20), 84–88.

PETRUŠAUSKAITĖ, V., BATUCHINA, A., 2015. Migrant workers from non-EU states in Lithuania: the structure of migration and challenges in survey research. *Etniškumo studijos*, 1, 28–47.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2015. *Emigrantai: kalba ir tapatybė*. Vilnius: VU leidykla.

RAMONIENĖ, M. (red.), 2019. *Emigrantai: kalba ir tapatybė II*. Vilnius: VU leidykla.

RICHARDSON, J. E., WODAK, R., 2013. The Impact of Visual Racism: Visual Arguments in Political Leaflets of Austrian and British Far-Right Parties. In: R. Wodak (Ed.). *Critical Discourse Analysis. Vol. IV. Applications, Interdisciplinary Perspectives and New Trends*. Los Angeles – London – New Delhi – Singapore – Washington DC, 245–274.

SIPAVIČIENĖ, A., GAIDYS, V., JERŠOVAS, M., 2010. *Lietuvos gyventojų požiūris į imigraciją ir darbo imigrantus: tyrimo ataskaita*. Vilnius. URL: http://www.iom.lt/images/publikacijos/failai/1427788343_8TMOLietuvos%20gyventoju%20poziuris%20i%20imigracija%20ir%20darbo%20imigrantus.pdf (03 11 2019).

TEREŠKINAS, A., 2009. Imigracijos diskursai JAV ir Airijos spaudoje. *Filosofija. Sociologija*, t. 20, nr. 4, 302–309.

VAN DER VALK, I., 2000. Parliamentary discourse on immigration and nationality in France. In: R. Wodak & T.A. van Dijk (Eds.). *Racism at the top: parliamentary discourses on ethnic issues in six European states*. Klagenfurt: Drava Verlag, 221–260.

VAN DIJK, TEUN A., 1987. Episodic Models in Discourse Processing. In: R. Horowitz & S.J. Samuels, (Eds.) *Comprehending Oral and Written Language*. New York: Academic Press, 161–196.

ZIMOVA, N., 2017. Social'naja adaptacija trudovyh migrantov iz stran Central'noj Azii v Rossii. *Migracija i social'no-ekonomicheskoe razvitie*. T. 2, №1, 19–28.

ŽIBAS, K., 2012. Baltarusiai, rusai ir ukrainiečiai Lietuvoje: nuo imigrantų iki ateities piliečių. *Etniškumo studijos*, nr. 1/2, 145–177.

ŽIBAS, K., 2014. *Turkų ir kinų imigrantai Lietuvoje*. Vilnius: Lietuvos socialinių tyrimų centras.

Алла Лихачева, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры русской филологии Вильнюсского университета

Alla Likhachiova, PhD (Humanities), Professor of the Russian Department, Vilnius University

Ala Lichačiova, humanitarinių mokslų daktarė, Vilniaus universiteto Rusų filologijos katedros profesorė